

Я попал в другой мир.

Причём угодил в какую-то симулятор свиданий, в которую играл раньше!

Глядя на суеющуюся перед ним молоденькую служанку, Айшильд не испытывал ни малейшей радости.

Да, Айшильд — пускай пока побудет это имя.

Хоть имя это и звучало непривычно для языка, нельзя же было использовать то, что принадлежало ему до перемещения.

Дело было вовсе не в том, что по натуре Айшильд был пессимистом. Конечно, оказаться внутри игры его позабавило, но проблема заключалась в том, что статус бедолаги, в тело которого он вселился, мягко говоря, оставлял желать лучшего.

Ладно бы еще довелось переродиться злодеем — так ведь каким-нибудь влиятельным и грозным!

Но угодить в шкуру несчастного персонажа, который на протяжении всей истории только и делал, что терпел унижения, бахвалился перед всеми, но в любой драке неизменно проигрывал, а в конце, даже продав свою душу, не смог одолеть главного героя оригинального сюжета и был вжат лицом в грязь — Айшильд даже не знал, что и сказать.

— За какие грехи мне всё это?

Айшильд был готов сгореть от тоски. Другим попаданцам причитается хоть какой-нибудь читерский дар или на худой конец система, а у него, кроме знания сюжета, не было вообще никаких преимуществ.

Да и это самое знание сюжета на практике оказывалось совершенно бесполезным.

Почему он так считал?

Потому что, судя по известной Айшильду информации, опередить главного героя оригинала и собрать все его божественные артефакты раньше него — задача практически невыполнимая.

Во-первых, в этот период главный герой оригинала лишь прикидывался робким и тихим, однако его реальная сила превосходила силы самого Айшильда.

Во-вторых, сказывалось происхождение Айшильда: он являлся сыном одного из двух герцогов

Империи Кристиан.

И пусть он происходил из герцогского рода, будучи четвёртым сыном, Айшильд совершенно не пользовался любовью отца. Вдобавок из-за постоянных безумных выходок его и вовсе выгнали из дома. Теперь он жил на отшибе, а рядом с ним оставалась лишь одна-единственная служанка.

И пусть его прогнали из родового гнезда, во всей Столице каждый прекрасно знал, кто он такой — Айшильд, четвёртый сын герцога Луиса.

Дурная слава Айшильда гремела на всю Столицу, и если бы не тот факт, что герцог Луис всё же не отрёкся от него официально (а с собакой хозяина всегда приходится считаться), его бы уже давно до смерти забили те, кому он успел насолить. Еду подали на стол, и под мягкое напоминание девушки-служанки Айшильд принялся за свой завтрак.

Честно говоря, стандарты этого приёма пищи выглядели довольно неловко.

Если сравнивать с обычной семьей, такой завтрак можно было бы назвать весьма неплохим.

Но стоило сопоставить его с трапезой в герцогском особняке, как еда, стоявшая перед Айшильдом, пожалуй, не дотягивала даже до того, чем кормили слуг в резиденции герцога.

Ничего не поделаешь, ему выделяли на жизнь ровно столько, поэтому и тратить Айшильд мог лишь эту сумму.

— Молодой мастер, то, что я приготовила, вам не по вкусу?

Стоявшая рядом девушка-служанка подала голос. Заметив, что у Айшильда совсем нет аппетита, она прикусила губу, уже мысленно приготовившись к нагоняю.

Айшильд опешил. Вырванный из раздумий в реальность, он не сразу сообразил, в чём дело.

Глядя на кусок хлеба в руке, он простоял в растерянности добрых несколько секунд и лишь тогда с трудом вернулся к действительности.

— Нет, ты готовишь очень вкусно, просто я задумался о кое-ких вещах.

Посмотрев на девушку-служанку, стоявшую рядом, Айшильд почти без усилий вспомнил её имя.

Клэр — звали её.

Если говорить об этом персонаже, Айшильд искренне сочувствовал ей. Она выросла вместе с негодяем из семьи герцога и заботилась о нём, словно старшая сестра.

Кто-то советовал ей бросить Айшильда, уверяя, что без него её жизнь станет намного лучше, но Клэр неизменно отказывалась.

Причина была проста: по её собственным словам, если бы она ушла от Айшильда, рядом с ним больше не осталось бы ни единого человека, который мог бы побыть с ним рядом.

Клэр знала, насколько скверным был характер Айшильда, но по сравнению с остальными он всё же относился к ней относительно дружелюбно.

Она даже находила оправдания его отвратительному поведению, говоря, что его мать умерла очень рано, а с самого детства никто толком не уделял ему внимания и не давал почувствовать тепло домашнего очага.

— Хватит стоять, садись и поешь со мной.

Айшильд прекрасно помнил: в первоисточнике, когда этот негодяй умирал, рядом с ним не было никого, кроме Клэр.

<http://bllate.org/book/21130/2143846>